

Дисциплина божественного

Некоторые размышления после вечера в честь 25-летия творческой деятельности балерины, народной артистки Беларуси Ирины Еромкиной

Валентин Николаевич Елизарьев рассказал мне удивительную историю. Когда настало время отпустить пленных немцев, которые после Великой Отечественной войны отстраивали разрушенный Минск, их собрали в Большом театре оперы и балета Белорусской ССР и показали им спектакль «Лебединое озеро». Зачем? А чтобы знали, на что посягали, какую красоту, какую духовную вершину они пытались уничтожить.

Сегодня я хотела бы собрать в том же зале всех тех, кто пытается запретить белорусское и русское искусство в Европе и Америке, и показать им творческий вечер народной артистки Беларуси Ирины Еромкиной, состоявшийся в Большом театре 15 мая.

Можно, конечно, и «Лебединое озеро» – оно сегодня настолько же лучше прежнего, насколько нынешний отреставрированный театр прекраснее того, довоенного,

наспех отремонтированного после немецких авиабомб и немецких конюшен. Но творческий вечер Еромкиной – это созвездие, это прошлое и будущее в одном флаконе, а в средоточии его сияющая звезда – сама артистка, величие и редкостная красота ее духа. Пусть знают, на что посягают. А впрочем, именно потому и посягают, что либеральная Европа давно уже на такое не способна и может лишь подкупать, переманивать и платить.

Балет, если он действительно прекрасен, влюбляет в себя с первого взгляда, с первого жеста, с первого звука – влюбляет раз и навсегда. И это удивительно, ведь балет не заманивает острым сюжетом, не смешит, не будоражит спецэффектами и придуманными ужасами. В нем нет ничего из того, к чему приучен обыватель, потребляющий культуру с банкой пива и чипсами. В нем нет даже слова.

Эвен Капитен – Ромео,
Ирина Еромкина – Джульетта
(«Ромео и Джульетта» С. Прокофьева
в постановке В. Елизарьева)

Балет, если он настоящий, – это чистая, беспримесная красота, которую собрали и отсеяли на ситечке: смотрите, аплодируйте, восхищайтесь. Благо есть повод – 25-летие творческой деятельности артистки, которую обожает страна.

Кстати, я не припомню, чтобы творческий юбилей артиста балета праздновался с таким размахом.

Но Еромкина – артистка уникальная, как модно нынче говорить, ломающая все стереотипы. Девочка из городского поселка Свислочь.

– В детстве я не знала, что такое балет, и он не был моей мечтой, – говорит Ирина Еромкина.

Как случилось, что она выросла в великую балерину?

Наверное, это интересно, и уж точно никто не знает всей правды об этом, в том числе и она сама. Потому что истовый труд, одержимая любовь к балету есть у многих. Как и педагоги – Ирина Савельева в Белорусской хореографической гимназии-колледже, Людмила Бржозовская в театре. А Еромкина одна.

Да, сейчас ее расспрашивают, все поголовно берут у нее интервью, и в ее словах именно то, что от нее хотят услышать. Потому что не будет же она говорить с профанным миром о великих тайнах, для которых и слов-то не существует, а есть лишь движение в танце.

– Я не буду ничего говорить! – отвечает с улыбкой наш великий балетмейстер, народный артист СССР и Беларуси Валентин Елизарьев, когда вдруг кто-то, не разобравшись в сути вещей, спрашивает его о смысле его балетов. – Идите, смотрите и сами увидите!

Ирина же от расспросов не отмахивается, отвечает с присущим ей глубоким смирением богини. Но, конечно же, суть вещей выше и шире, и не в том, о чем она говорит. Например, о детях:

– Я всегда хотела быть мамой. Это стремление было частью меня. Мои дети – главная цель, мечта, самое главное достижение.

Но нужно увидеть на сцене крохотную, в воздушном платье Машы из «Щелкунчика», трогательно застенчивую Катю Еромкину, которая в начале концерта под музыку Чайковского делает несколько па. А вслед за тем ее маму – Ирину Еромкину, – в таком же платье повторяющую те же самые движения.

– Маша выросла, – так объясняют в театре.

Но, по-моему, это символ – символ бесконечного роста, бесконечной смены поколений. Роза в расцвете и рядом бутон. Великий символ осмысленного творческого детства, которого больше нет на Западе, а есть «права ребенка» – право на попкорн, на развлечения, на игрушки, на пустое и бездумное существование. А потому нет уже

Ирина Еромкина – Маша («Щелкунчик» П.И. Чайковского в постановке В. Елизарьева)

и искусства. Ведь художник – большой и малый – начинается в детстве, с огромного, часто непосильного детского труда над самим собой, с великой цели, которую задают взрослые, но она становится частью внутреннего мира ребенка, его путеводной звездой.

Почувствуешь это – и пусть на крохотный шаг приблизишься к пониманию слов Ириной Еромкиной:

– Дети поменяли мое мировоззрение, мой характер и взгляд на истинные ценности.

Ценности искусства, жизни, детства, красоты и гармонии.

Да и вообще, творческий вечер Еромкиной вдруг оказался той волшебной линзой, сквозь которую совершенно иначе увиделась сущность белорусского балета, искусство Елизарьева да и многое другое.

Может быть, потому что постановку балетного концерта впервые взяла на себя Анна Моторная – новый главный режиссер театра, автор невероятных мощных оперных спектаклей «Фауст» и «Дикая охота короля Стаха». Я была на репетиции и видела, с какой энергией

и истинно балетным стремлением к совершенству она работала над каждой мелочью, над тем, чтобы слайды с фотографиями Еромкиной во всех ее 44 балетных ролях появлялись абсолютно точно в музыку. А параллельно совсем-совсем новый главный балетмейстер Игорь Колб – сам творение этой школы, балетное божество и совершенство – поправлял каждую пяточку в последней линии кордебалета, ибо без абсолютного совершенства классического балета быть не может!

– Классический балет – это высочайшая планка для танцовщика. Чтобы ее достичь, требуются порой нечеловеческие усилия.

Это говорит Ирина Еромкина, и она знает глубинный смысл того, о чем говорит.

Мы долго беседовали с Моторной об Ирине Еромкиной. О ее доброте, смирении и немислимом трудолюбии, о том, что находиться рядом с ней – счастье. Моторная назвала ее богиней – и да, это так, это постигаешь всем сердцем, когда видишь ее на сцене, намоленной поколениями замечательных балерин. И что Еромкина – квинтэссенция всех танцевавших на этой сцене, ее высочайшее порождение.

Но среди сказанного мелькнула и другая чрезвычайно любопытная мысль.

– Благодаря образам, созданным ею в балетах Елизарьева, Еромкина не просто выросла, – говорит Моторная. – Произошло совсем другое чудо: Елизарьев как скульптор весь лишний мрамор сколол, и мы видим перед собой прекрасную Галатею.

Да, именно так! Произошло творение человека, его перерождение в божественный образ, в мечту, которая нас возвышает и влечет за собой, и в этом есть сущность классического балета.

Балета Мариуса Петипа.

Балета Валентина Елизарьева, потому что в 20-х годах XXI столетия вдруг увиделось то, чего никогда не поняли бы люди 1970–1980-х годов. Тогда Елизарьев ворвался на белорусскую сцену как революционер. Таким мы – в ту пору дети – его воспринимали.

А сейчас видно, что Елизарьев – высокое продолжение Петипа. Продолжение классического балета.

А Григорович, Фокин, Ольга Костель – все это было в концерте – тоже прекрасно, и Ирина Еромкина – потрясающая Анна Каренина, но это другое. Другой мир, может быть, восхищающий, но божественного пересоздания человека здесь не происходит. Это есть только у нас, только в балетах Елизарьева, какими бы новаторскими они ни были в своем хореографическом рисунке.

И эту великую традицию сейчас перенимают наши дети. Фантастически яркий маленький танцовщик Василий Островецкий, зажегший зал своей лезгинкой. Почти взрослая уже Ксения Косова, показавшая удивительный микст балета, спортивной гимнастики и бразильской джиу-джитсу (номер «Чучело», хореография Александры Буальской).

Но меня больше впечатлили юные Вера Шпаковская и Роман Гуделев, исполнившие па-де-де из классического балета Августа Бурнонвиля «Фестиваль цветов в Дженцано». Уже видно, что Роман Гуделев – танцовщик того же полета, в прямом и переносном смысле слова, что Игорь Артамонов, Константин Героник, Эвен Капитен, Антон Кравченко, блиставшие в этот вечер рядом с дивой.

Кстати, Кравченко для меня такое же скульптурное божество в мужском танце, как Еромкина в женском.

Блеснула даже опера – почти полный набор наших великолепных теноров, восславивших божественную Ирину в неаполитанской песне *Un amore così grande*. Куда там пресловутым трем тенорам!

И прославленный оркестр Большого, которым в этот вечер искусно управлял Владимир Оводок. И не менее знаменитый хор, которым три десятилетия беспрерывно руководит народная артистка Беларуси Нина Ломанович.

Все великолепно, величественно и прекрасно, как и должно быть в храме искусства. В Большом театре на Троицкой горе, который был и остается храмом.

Михалина СКРИПКА

Фото Большого театра Республики Беларусь